

СТАНИСЛАВ КЕЛЕМБЕТ

«ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЛЕДИЕ» СОСЕДЕЙ: ЮЖНАЯ РУСЬ ПОД ВЛАСТЬЮ ЛИТВЫ, ПОЛЬШИ И ВЕНГРИИ В 1340–1430-Х ГГ. СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (2001–2021 ГГ.)¹

THE ‘LEGACY OF OLD RUSSIA’ IN HER NEIGHBOURS’ HERITAGE: SOUTHERN RUS’ UNDER THE RULE OF LITHUANIA, POLAND AND HUNGARY IN THE 1340–1430S. CONTEMPORARY UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY (2001–2021)

This paper gives an overview of modern Ukrainian historiography on the southern lands of Old Rus’ which had been under the rule of the neighbouring states. The first part discusses general problems, as well as issues of terminology, chronology, and general tendencies of Ukrainian historiography. The second part is dedicated to results in the field of source analysis, while the third one deals with the description of works on the southern lands which accepted the overlordship of the Grand Duchy of Lithuania (i.e. Volhynian, Kievan and Seversk lands). The fourth part summarises the historiography on lands belonging to the Polish Kingdom and temporarily to the Kingdom of Hungary (i.e. Galicia, Podolia). The author of the paper places special emphasis on the discussion of questions concerning the chronology and circumstances of conquests of Eastern Slavic regions by the neighbouring states, as well as on the administrative status and structure of the regions under discussion within the different political units.

Keywords: Galician-Volhynian Principality, Grand Duchy of Lithuania, Kingdom of Polen, Galicia, Podolia

Stanislav Kelembet – Candidate of Historical Sciences, Doctoral student of the Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine. E-mail: stas.kelembet@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2174-627X>

1 *Citation: СТАНИСЛАВ КЕЛЕМБЕТ, “‘Drevnerusskoe nasledie’ sosedei: Iuzhnaia Rus’ pod vlast’iu Litvy, Pol’shi i Vengrii v 1340–1430-kh gg. Sovremennaia ukrainskaia istoriografiia (2001–2021 gg.)” [The ‘Legacy of Old Russia’ in her Neighbours’ Heritage: Southern Rus’ under the Rule of Lithuania, Poland and Hungary in the 1340–1430s. Contemporary Ukrainian Historiography (2001–2021)], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 181–205. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.21*

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В источниках XIV–XV вв. южная часть Древней Руси – территория, входящая в состав нынешней Украины, – никакого специального названия не имела. Византийский термин «Малая Русь», которым в нескольких документах XIV в. обозначены галицко-волынские земли, на месте так и не прижился (будучи «реанимирован» лишь в середине XVII в., но по отношению уже к другому региону – Среднему Поднепровью). Термин же «Украина», ставший в XX в. названием современного государства, появляется в источниках лишь в 1490-х гг. и длительное время, свыше столетия, имел исключительно «географически-ориентирующее» значение – обозначал окраинную/приграничную территорию Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), а после 1569 г. Польского королевства, в Среднем Поднепровье (Киевское и Брацлавское воеводства)². Поэтому корректность употребления терминологии «Украина», «украинский», применительно к «докозацкому» периоду истории страны, представляется весьма дискуссионной. В научной литературе XIX в. доминировали понятия «Южная Русь», «Юго-Западная Русь», и лишь в последней четверти столетия появляются «гибридные» термины «Русь-Украина», «Украина-Русь» (принятый в монументальном сочинении Михаила Грушевского), а затем и просто «Украина». Последний после распада Российской и Австро-Венгерской империй утвердился в исторической науке как УССР (периода «украинизации» 1920–1930-х гг.), так и западноукраинской в составе Польши, а также эмигрантской диаспоры. В позднем СССР на время был реанимирован термин «Юго-Западная Русь»³.

После провозглашения независимости возникновения независимой Украины в 1991 г., явно под влиянием этого события, термин «Украина» вновь стал употребляться в анахронистическом значении – применительно к периоду далекого прошлого страны, когда ее современного названия еще не существовало. Эта тенденция отразилась и в заглавиях обобщающих работ, написанных профес-

2 Об эволюции термина см.: Т. Чухльб, «Назви “Україна” та “Українини” в офіційному тезариусі держав Східної Європи та Малої Азії: діакронно-семантичний аналіз (1490ті рр. – середина XVII ст.)», *Україна в Центрально-Східній Європі*, вип. 18 (2018): 13–58.

3 Классический пример – известная монография: Ф.М. Шабульдо, *Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского* (Киев: Наукова думка, 1987).

сиональными историками, посвященных «литовській добі» истории Украины⁴. Специализированный сборник, издающийся в Институте истории Украины НАНУ с 2009 г. (до 2021 г. вышло шесть выпусков), получил название «Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського». Впрочем, ряд современных украинских историков применительно к периоду XIV–XVI вв. предпочитают употреблять синхронные термины «Русь», «руський», конечно, не отождествляя их с «Россия», «российский».

В данном очерке дается обзор современной (2001–2021 гг.) украинской научной литературы, посвященной истории «литовско-польской» Руси в рамках столетнего периода 1340–1430-х гг. Нижняя хронологическая грань этого периода – 1340 г., начало иностранной экспансии на территорию «Галицко-Волынского княжества» (далее – ГVK). Верхняя грань определяется такими ключевыми событиями, как: образование в 1434 г. в составе Польского королевства Русьского и Подольского воеводств, где повсеместно вводилось польское право; Флорентийская церковная уния 1439 г., положившая начало расколу общерусской митрополии на Киевскую и Московскую; избрание в 1440 г. на престол VKЛ Казимира Ягеллона, который в 1447 г. стал фактическим основателем польско-литовской монархии Ягеллонов, объединившей Польшу и VKЛ в рамках личной династической унии. Особенностью обозначенного периода, главным образом для южнорусских земель VKЛ, является очень ограниченная источниковая база, к тому же «сужающаяся» по условной линии запад – восток. Именно для XIV – первой половины XV в. Елена Русина, одна из ведущих специалистов по теме, еще в 1993 г. предложила термин «Темные века», «заимствованный из арсенала английской истории»⁵.

4 О. В. РУСИНА, *Україна під татарами і литвою* (Київ: Альтернативи, 1998); *Україна: литовська доба 1320–1569* (Київ: Балтія-Друк, 2008); *Україна і Литва в XIV–XVI століттях. Політико-правові та соціально-економічні аспекти* (Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2011).

5 См.: О. РУСИНА, «Історія Київського князівства XIV–XV ст. у світлі нових даних», в *Україна крізь віки: Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України, професора Валерія Смолія* (Київ: Інститут історії України НАН України, 2010), 185. В обобщающей работе Е. Русиной, посвященной «литовскому периоду», первые два его этапа ограничены именно рамками 1340–1440 гг.: О. В. РУСИНА, М. Ф. КОТЛЯР, *Україна: Хронологія розвитку*. Т. 3 (Київ: КРІОН, 2009), 120–293 (розділ 2: Переділ давньоруської територіальної спадщини (1340–1380ті рр.); розділ 3: Буремні десятиліття (1390–1430ті рр.)).

Настоящая статья из-за ограниченного объема, конечно, не является подробным историографическим обзором. Во-первых, в ней не рассматриваются общие курсы научно-популярного и учебного характера⁶. Во-вторых, пришлось вообще опустить такие темы, как экономика, демография и социальная структура населения, право, религия и культура; впрочем, для Южной Руси полноценные исследования в указанных сферах, исходя из состояния источниковой базы, становятся возможны лишь с середины XV в. В-третьих, даже после этого обзор имеет весьма выборочный и поверхностный характер.

Общая характеристика украинской «литуанистики» по состоянию на 2003/4 г. дана в работе Катерины Кириченко⁷. С тех пор многое изменилось, количество «литуанистических» публикаций многократно возросло. Однако их особенностью по-прежнему является то, что они сконцентрированы на «своей» территории, т. е. современной Украины, бывшей далекими провинциями ВКЛ и Польши. Отечественных историков мало интересует центральная политика Вильно и Кракова, не касавшаяся южнорусских земель. Отсутствуют специальные работы, посвященные таким судьбоносным событиям, как польско-литовские унии 1385, 1401 и 1413 гг., гражданские войны в ВКЛ, включая даже «Свидригайлову» 1430-х гг. Из отношений ВКЛ с другими государствами, пожалуй, наибольший интерес вызывают литовско-ордынские. В этой сфере, например, идеи покойного Феликса Шабульдо⁸ получили развитие в работах Бориса Черкаса⁹.

-
- 6 Напр., упомянутые в двух предыдущих примечаниях. В свое время «интеллектуальным бестселлером» стал «Очерк истории Украины» до конца XVIII в. Натальи Яковенко, впервые опубликованный в 1997 г. Его расширенный вариант переиздавался в 2005 и 2006 гг.; однако те небольшие фрагменты, которые относятся к «нашему» периоду, кажется, практически повторяют первое издание, а поэтому выходят за рамки настоящего обзора (после 2000 г.). То же самое касается и другой книги имени того автора – «Украинская шляхта». Основной текст ее второго издания 2008 г. мало чем отличается от первого 1993 г. Исключение составляют генеалогические таблицы, подвергнутые существенной корректировке; их комментирование в рамках этой статьи совершенно нереально. Научные интересы Н. Яковенко, отраженные в других публикациях последнего 20летия, с периодом 1340–1430-х гг. почти не пересекаются.
- 7 К. Кириченко, «Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991–2003/4: основні тенденції», *Ruthenica*, т. IV (2005): 215–229.
- 8 Одна из последних работ (опубликована посмертно): Ф.М. Шабульдо, «К итогам изучения Синеvodской проблемы», *История и современность*, по 1 (2013): 69–89.
- 9 Итоговая монография: Б. Черкас, *Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.)* (Київ: Інститут історії України НАН України, 2014), (главы I.4–I.6).

О литовско-московских отношениях при великом князе Ягайло писал Виталий Василенко¹⁰.

Для украинских историков одним из важнейших является вопрос: чем же было для населения Южной Руси ВКЛ, иностранным угнетателем или «своим» государством? В XIX–XX вв. преобладала (но не доминировала) первая точка зрения, в последние десятилетия – вторая. Например, авторитетный «клинтуанист» Елена Русина выступает сторонником оценки ВКЛ как «полиэтничного и поликонфессионального государства, чуждого религиозной нетерпимости и любых форм ортодоксии, с широкой региональной автономией, гарантиями личных и сословных прав»¹¹, русская знать которого достаточно лояльно относилась к власти Вильно¹². Во многом это действительно так; однако не стоит забывать и то, что Городельская уния 1413 г. прямо поражала в правах православных: «схизматикам или другим неверным» официально запрещалось занимать высшие государственные должности в ВКЛ.

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Актовые документы

Современная украинская археография не может похвастаться особыми успехами в публикации актов 1340–1430-х гг. Этот период, к сожалению, почти «выпал» из сферы ее интересов. Хотя в 1997 г. Олег Купчинский специально подчеркивал особое значение, которое имеют для изучения отечественной истории древнейшие акты, приведя и перечень основных архивных собраний, где такие еще могут быть обнаружены. Исследователь отметил: «Выявление и публикация всего названного разнообразного актового и документального материала за XIV–XV в. [...], а следовательно, приращение его в стройную систему, которая бы соответствовала тре-

10 В. О. Василенко, «Литовсько-московські угоди 70х–80-х рр. XIV ст. (спірні проблеми історії Східної Європи)», *Український історичний журнал*, по 6 (2005): 177–190.

11 Е. В. Русина, «На исторических распутьях. К вопросу о социокультурном дистанцировании восточнославянских земель в XIV–XVI столетиях», *Исторический Вестник*, т. 7 (2014): 234.

12 О. В. Русина, «Проблеми політичної лояльності населення Великого князівства Литовського у XIV–XVI ст.», *Український історичний журнал*, по 6 (2003): 3–16.

бованиям современной археографической науки [...] были бы, несомненно, амбициозным мероприятием для украинской науки». В качестве примера историк опубликовал 11 актов за 1351–1427 гг. (и еще три позднейших), обнаруженных им «при случае» в упомянутых архивах¹³. Сам же О. Купчинский сосредоточился на изучении древнейших актов, относящихся к периоду «Галицко-Волынского княжества». Итогом его работы, длившейся несколько десятилетий, стала фундаментальная публикация 2004 г., в которой исследованы и критически изданы все известные автору акты ГВК: достоверные (с переводами латинских текстов на украинский язык), реконструируемые (в основном по *Галицко-Волынской летописи*, что весьма спорно), а также позднейшие фальсификаты и краткие упоминания в других документах¹⁴.

После присоединения Галицкой Руси к Польскому королевству в 1349 г. количество актов, относящихся к этому региону, резко возрастает, что объясняется широким распространением в королевстве письменной юриспруденции (в отличие от раннего ВКЛ). Массив известных галицко-русских грамот середины XIV – середины XV в., написанных в основном на латыни, но весьма часто и на «руськом»/«староукраинском» языке, многократно превышает количество актов, выданных для всех других земель Южной Руси, вместе взятых. Подавляющее большинство из них опубликованы, но «разбросаны» по огромному количеству изданий, отчасти малодоступных для украинских историков¹⁵. Из латиноязычных актов «повезло» лишь древнейшим привилегиям города Львова, которые систематизировал и перевел на украинский язык Мирон Капраль¹⁶. Кроме того, Олег Купчинский в упомянутой работе перепечатал 12

13 О. Купчинский, «Забуті та невідомі староукраїнські грамоти XIV – першої половини XV ст.», *Записки Наукового товариства ім. Шевченка у Львові*, т. 233 (1997): 333–359.

14 О. Купчинский, *Акты та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти* (Львів: ПростірМ, 2004). О спорных подходах и некоторых упущениях этой работы см. рецензию Е. Русиной в *Український археографічний щорічник*, вип. 10/11 (2006): 790–792.

15 В первую очередь, это касается издания: S. KURAŚ, I. Sułkowska-KURAŚ (wyd.), *Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. 1–8* (Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1962–1975); в этой серии, охватывающей период до 1450 г., опубликовано огромное количество актов, относящихся к русским землям Польского королевства.

16 М. Капраль (упор.), *Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст.* (Львів, 2010, 2ге виправлене видання, електронний варіант); М. Капраль (упор.), *Привілеї національних громад міста Львова (XIV–XVIII ст.)* (Львів, 2010, 2ге виправлене видання, електронний варіант).

латиноязычных документов 1352–1439 гг. (содержащих упоминания о старых актах галицко-волинских князей), тоже снабдив их украинскими переводами¹⁷.

С другой стороны, определенные результаты приносят архивные поиски, в ходе которых удалось выявить и опубликовать ряд актов первой половины XV в. Например, Виталий Михайловский издал четыре «галицкие» грамоты 1400–1413 гг., обнаруженные в *Коронной метрике*, куда они были внесены при их подтверждении в XVI в., хотя и в польской транслитерации/переводе с руських оригиналов. Особое значение имеет акт 1412 г., содержащий уникальное свидетельство о принадлежности Галича князю Свидригайлу. Изданные документы В. Михайловский сопроводил обширными комментариями, в которых выразил сомнения в достоверности двух из них (на наш взгляд, не вполне убедительные)¹⁸.

Нарративные источники

Нарративами по ранней истории ВКЛ, созданными на его территории, являются три Летописных свода ВКЛ – Первый 1440-х гг. (включающий несколько самостоятельных произведений), Второй 1510-х гг. и третий 1520-х гг. (т. н. *Хроника Быховца*). Изучением этих памятников занимались такие украинские историки, как Елена Русина и Катерина Кириченко. Из отдельных текстов, входящих в состав *Первого свода ВКЛ*, Е. Русина детально проанализировала *Похвалу Витовту* (установив ее литературные источники) и в меньшей степени *Повесть о Подолье*. Последняя признается скорее памфлетом малой достоверности, созданным в русле политической идеологии ВКЛ 1430-х гг.¹⁹.

Главной особенностью *Второго свода ВКЛ* является наличие в нем т. н. легендарной части, описывающей «историю» Литовского государства до смерти Гедимина (1341 г.). Вполне обоснованной

17 Купчинський, *Акти*, 773–822.

18 В. Михайловський, «Історія одного розмежування біля Крилоса в 1412 році», *Вісник Львівського університету. Серія історична*, вип. 45 (2010): 521–544; В. Михайловський, «Жереб як спосіб визначення меж володінь: Декілька міркувань про довіру до середньовічних документів, відомих за пізнішими копіями», в *Inter Regnum et Ducatum. Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin* (Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2018), 389–404.

19 О. В. Русина, «Українські аспекти білорусько-литовського літописання: історія й історіографія», *Український історичний журнал*, no 6 (2016): 127–150.

следует признать точку зрения (наиболее полно изложенную белорусским исследователем Вячеславом Чемерицким), согласно которой вся легендарная часть является литературно-идеологической выдумкой начала XVI в., конструкцией, не имеющей ничего общего с реальной историей. При этом автор легендарной части довольно широко использовал *Галицко-Волынскую летопись* XIII в. (далее – ГВл), но «препарировал» ее информацию крайне произвольно.

Особенное значение имеет рассказ о походах Гедимины на Волынскую и Киевскую земли, военном поражении местных князей и присоединении их владений к ВКЛ. Эта легенда была подвергнута критике еще во второй половине XIX – начале XX в., однако мнение о ее достоверной основе было «реанимировано» в украинской историографии конца XX в. (Феликс Шабульдо, Вадим Ставиский, Леонтий Войтович). Елена Русина заново рассмотрела данный вопрос, убедительно показав вымышленность всего рассказа. В частности, имена персонажей-князей, кроме самого Гедимины и Ольгимонта Гольшанского (якобы первого литовского наместника в Киеве), автор легендарной части заимствовал из ГВл, «снабдив» их вымышленными титулами. Основной причиной создания «Гедиминовой легенды», развивая мысль Михаила Грушевского, Е. Русина считает позднейшие амбиции князей Гольшанских, принимая версию, что «широкая редакция» белорусско-литовских летописей «сложилась в кругах, непосредственно связанных с семьей Гольшанских, история которой тесно переплелась с историей Киевской земли»²⁰. Правда, литовский историк Рымантос Ясас еще в 1971 г. безупречно доказал, что инициатором создания и *Второго*, и *Третьего свода ВКЛ (Хроники Быховца)* был литовский магнат Альбрехт Гаштольд. Однако сути дела это не меняет, поскольку Гаштольд по материнской линии являлся потомком тех же Гольшанских²¹.

Прямую зависимость легендарной части *Второго свода ВКЛ* от ГВл, путем тщательного текстологического анализа, подтвердила также Катерина Кириченко. Согласно ее убедительному мнению, автор легендарной части использовал летописный сборник, аналогичный известному *Хлебниковскому*. Именно подобный кодекс имелся

20 О. Русина, *Студії з історії Києва та Київської землі* (Київ: Інститут історії України НАНУ, 2005), 41–53.

21 Р. Ясас, «Хроніка Быхаўца і яе паходжанне», *Беларускі гістарычны агляд*, т. 24, сш. 12 (2017): 212–220 (доступный перевод литовской публикации 1971 г.).

в библиотеке Альбрехта Гаштольда – заказчика *Второго свода*, – упомянутый в ее описи 1510 г. как «Книга летописец киевский». Наблюдения К. Кириченко лишний раз доказывают, что легендарную часть *Второго (и Третьего) сводов ВКЛ* нельзя рассматривать как сколько-нибудь достоверный исторический источник²².

Украинская историография внесла вклад и в «развенчание» некоторых специфических сюжетов, содержащихся в *Хронике Быховца*. В частности, Елена Русина доказала, что подробный рассказ об убийстве великого князя Сигизмунда Кейстутовича в 1440 г., который ранее считался едва ли не описанием очевидца, является вымыслом. При его создании использовался рассказ об убийстве Андрея Боголюбского в 1174 г., содержащийся в «Ипатьевской летописи»²³. Точнее, речь идет о *Киевской летописи*, которая во всех кодексах соединена с той же *ГВл* (по К. Кириченко, это был список, близкий к *Хлебниковскому*, а не *Ипатьевскому*).

При изучении южнорусских событий XIV в. определенное значение имеет т. н. *Густынская летопись* XVII в. В частности, этот поздний памятник содержит несколько «оригинальных» известий, которые иногда рассматривались как заимствования из некоего древнего, утраченного ныне источника. Критическое издание *Густынской летописи* по основному, Мгарскому списку, с обстоятельным источниковедческим предисловием, осуществил Алексей Толочко²⁴. Исследователь пришел к выводу, что памятник был создан в Киеве между 1624 и 1635 гг., а среди его источников невозможно выделить такие, которые были бы неизвестны современной науке. В свое время Вадим Ставиский²⁵ высказал мнение, будто несколько «оригинальных» сообщений *Густынской летописи* за XIV в. происходят из древних «реконструируемых» памятников – летописи

22 К.В. Кириченко, «Галицько-Волинський літопис і створення легендарної частини 2-го зводу літописів Великого князівства Литовського», *Український історичний журнал*, по 6 (2012): 111–129.

23 О. Русина, «Від Кузьмищі-киянина до киянина Скобейка (моделювання смерті в «Хроніці Биховця»», в Русина, *Студії*, 264–294.

24 О. Толочко (упорядник та автор передмови), *Густинський літопис* (Український Науковий Інститут Гарвардського Університету, 2013); подготовка этого издания была завершена еще в 2004 г. Другая публикация *Густынской летописи* осуществлена по единственному Густынскому списку 1670 г., протографом которого был Мгарский или тождественный ему список: ПСРЛ, т. 40 (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003).

25 Толочко, *Густинський літопис*, СХХVII–СХХХVI, СХLIX–СLVII.

1389–1392 гг. митрополита Киприана и киевской летописи Владимира Ольгердовича 1385 г. Однако Елена Русина показала, что первое из этих известий (1305 г.) скомбинировано на основе информации, содержащейся в поздних сочинениях Стрыйковского и Гваньини, в данном случае совершенно недостоверных. А киевский князь Федор, упомянутый в *Густынской летописи* под 1361 и 1362 гг., «является такой же литературной фикцией, как и некоторые другие правители Киева, зафиксированные только в этой летописи (Ярослав Ярославич, Иван Калита)»²⁶.

Помянник князей Черниговских

В древнерусской медиевистике, оперирующей весьма ограниченным кругом письменных источников, настоящим событием является введение в научный оборот любого такового. В 2007 г. Алексей Кузьмук издал помянник, некогда принадлежавший Введенской церкви в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, по рукописи 1654 г. Как оказалось, в его составе содержится раздел, представляющий собой помянник князей древней Черниговской земли (епархии) XI–XV вв.²⁷. Аналогичный памятник был известен науке еще с середины XIX в. по тексту, входящему в состав *Любецкого синодика* середины XVIII в., и был признан главным источником по истории Черниговской земли «монгольского периода», почти не освещенной в летописях. После же публикации 2007 г. выяснилось, что Введенско-Печерская редакция не только на столетие старше Любецкой, но и значительно более исправнее, а главное – намного полнее. Предварительная характеристика и общее значение *Помянника князей Черниговских*, по обеим редакциям, были представлены нами в 2016 г.²⁸. Этот источник содержит ряд уникальных сведений, в т. ч. и об удельных князьях раннего «литовского периода».

26 РУСИНА, «Історія Київського князівства», 186–195.

27 О. Кузьмук (упорядкування та вступна стаття), *Помянник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври, в Лаврський альманах, спецвипуск 7* (Київ, 2007), 17–19.

28 С. КЕЛЕМБЕТ, «Пом'янки (синодики) князів Чернігівської землі як історичне джерело», *Сіверянський літопис*, по 6 (2016): 19–37.

Сфрагистические и нумизматические источники

В современной Украине главным специалистом по актовым печатям ВКЛ является Олег Однороженко. Он обследовал основные архивы, в которых хранятся как документы с оригинальными печатями, так и описания/прорисовки ныне утраченных печатей (рукопись Яна Замойского, в XVI в. сделавшего опись актов краковского Коронного архива). Результаты этой работы отражены в ряде ценных публикаций²⁹. Особо следует выделить общий каталог, где издано, часто впервые, огромное количество княжеских печатей ВКЛ, систематизированных по географическому принципу – землям и весьма условным «княжествам» (под которыми автор понимает любое имение титулованного владельца, даже самое мелкое)³⁰. К сожалению, работам О. Однороженко свойственен и ряд серьезных недостатков. По замечанию польского сфрагиста Якуба Рогульского, упомянутая публикация «во многих местах не вполне удовлетворительна»: описание печатей чересчур лаконично, не указаны их типы, даже материал изготовления (цвет воска, обозначающий статус владельца – С. К.), вид и состояние документа. «Отсюда неизвестно, на каком основании исследователь реконструирует – часто очень подробно – печатное изображение и текст окружающих надписей. Вызывают возражения также рисунки печатей – в сравнении с материалом источников, хранящимся в Государственном Архиве в Кракове, эти рисунки часто удивляют своей точностью»³¹.

Выдающихся успехов за последние десятилетия достигла украинская средневековая нумизматика. Особо следует отметить открытие монет Подольского княжества, идентификацию которых осуществили в 2004 г. Олег Погорилец и Ростислав Саввов. Речь идет о т. н. «подольских полугрошиках» (известны по письменным источникам), чеканившихся князем Константином Кориатовичем в 1380-х – начале 1390-х гг., а также разменных денариях, выпускавшихся,

29 Из их долгого списка отметим: О. Однороженко, «До історії української генеалогії та геральдики: княжі роди XIV–XVII ст.», Генеалогічні записки Українського геральдичного товариства, вип. 6 (2007): 45–86; вип. 8 (2010): 1–34.

30 О. Однороженко, *Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст.* (Харків: «Мадрид», 2009).

31 Jakub ROGULSKI, «Manifestacja dynastycznego pochodzenia na pieczęciach książąt Czartoryskich z drugiej połowy XVI wieku», *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego*, nowej serii t. 12 (23) (2013): 206, przyp. 6.

возможно, его младшим братом Федором. К настоящему времени количество подольских монет, обнаруженных в т. ч. в составе кладов, составляет уже далеко за сотню. Они свидетельствуют не только о политических амбициях Подольского княжества, но и его вассальной зависимости от Венгерского королевства. Дело в том, что на одном типе «подольских полугрошиков» изображался герб венгерских королей Анжуйской династии, а на другом – геральдическое навершие шлема из герба Людовика Венгерского (коронованная голова страуса с подковой в клюве). Таким образом, нумизматические данные подтвердили информацию некоторых письменных источников, в т. ч. косвенную – отсутствие Кориатовичей среди князей Гедиминовичей, выдавших присяжные грамоты Владиславу Ягайлу после его избрания польским королем в 1386 г.³²

Значительно продвинулось вперед изучение монет киевского князя Владимира Ольгердовича, в первую очередь – благодаря работам Ростислава Саввова. Если к концу 1990-х гг. было известно около 1100 их экземпляров³³, то в настоящее время – более 10 тысяч, включая несколько новых типов (в одном только Броварском или Русановском кладе, найденном в 2012 г., содержалось более 5 тысяч киевских монет)³⁴. Безусловно, этот факт сам по себе свидетельствует об экономической мощи и самостоятельности Киевского княжества в составе ВКЛ. В многочисленных работах Константина Хромова, Ирины Хромовой, других исследователей изучается джучидская нумизматика, ранние подражания джучидским монетам в Среднем Поднепровье, монетная чеканка Северной земли 2-й половины XIV в. Появилась обобщающая монография Андрея Крижановского о продукции Львовского монетного двора XIV–XV вв.³⁵

32 О. Погорілець, Р. Саввов, «Монета подільського князя Костянтина», *Нумізматика і фалеристика*, по 3 (2004): 24–29; Р. Саввов, «Ще раз про так звану монету Федора», *Нумізматика і фалеристика*, по 2 (2010): 8–10; Р. Саввов, «Скарб монет XIV ст. зпід Смотрича», *Львівські нумізматичні записки*, ч. 8–9 (2011–2012): 49–55; Р. Саввов, «Подольський полугрошок и денежное обращение в Подольском княжестве», *Банкаўскій веснік, сакавік* (2016): 12–19.

33 Русина, *Україна*, 69.

34 Р. Саввов, «Метрологічні характеристики монет Володимира Ольгердовича», *Львівські нумізматичні записки*, ч. 14–15 (2017–2018): 5–10; и целый ряд других работ.

35 А. Крижанівський, *Львівський монетний двір у XIV–XV ст.* (Львів: Галицька видавнича спілка, 2007).

ЮЖНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Волы́нская земля

Эволюция значений термина «Волынь», «Волынская земля» наиболее подробно освещена Владимиром Собчуком. Историк констатирует, что в летописных и церковных источниках XIV в. «Волынской землей называли практически всю Галицко-Волынскую Русь в границах где-то начала XIV в. (до Берестейщины)». Однако в памятниках эпохи ВКЛ значение термина «Волынь» резко сужается, и «под ней понимали уже даже не всю часть принадлежащего этому государству наследия Романовичей»³⁶.

Литовская экспансия на южнорусские (современные украинские) земли началась именно с Волыни. В 1340 г. Любарт-Дмитрий, младший сын великого князя Гедими́на, женатый на дочери одного из последних Романовичей, был призван на престол ГВК во Владимире. В конце 1349 г. он потерял большинство своих владений, захваченных польским королем Казимиром III, сохранив один Луцк. Но Любарт не «опустил руки», призвал на помощь родственников из ВКЛ, и вместе они начали длительную, до 35 лет, борьбу за «Королевство Руси» с Польшей и Венгрией. В итоге под властью Любарта из десятка «земель», сформировавшихся на территории бывшего ГВК, сохранились только две – Луцкая и урезанная Владимирская, которые и стали основой «малой» Волыни в составе ВКЛ.

Борьба за «галицко-волы́нское наследство», реконструкция которой требует привлечения и анализа разнообразных источников, главным образом иностранных, в украинской историографии изучена весьма слабо. По количеству публикаций, посвященных теме, безусловным лидером является Леонтий Войтович³⁷. Однако тексты этого автора представляют собой поверхностно-компилятивные обзоры, в которых почти отсутствует критический анализ исполь-

36 В. Собчук, *Історична Волинь: Північний Захід України в регіональному та локальному вимірах минулого* (Кременець: Кременецько-Почаївський ДІАЗ, 2017), 24–30.

37 См. их библиографию за 2009–2019 гг., составленную самим автором: Л. Войтович, «Ще раз про права Любарта-Дмитра Гедиміновича на спадщину Романовичів», *Княжа доба: історія і культура*, вип. 13 (2019): 225, прим. 1. Последняя статья по теме: Л. Войтович, «Боротьба за спадщину Романовичів (1340–1434): між стереотипами та історичною правдою», *Княжа доба: історія і культура*, вип. 12 (2018): 121–142.

зованного материала, зато содержится немало произвольных предположений, необъяснимых фактических ошибок, даже не вполне верных ссылок³⁸. Вряд ли можно согласиться и с такими общими выводами Л. Войтовича: «Однако, последовательно борясь за восстановление Галицко-Волынского государства, Любарта-Дмитрий не мог просто стать литовским вассалом. Из-за этого и Литва официально не воевала с Польшей и Венгрией»; «До смерти Любарта-Дмитрия, который титуловался великим князем, Волынь оставалась независимым государством»; вассалом же ВКЛ стал лишь Федор Любартович³⁹. Эти утверждения противоречат хотя бы текстам основополагающих документов – литовско-польских договоров 1351/52 и 1366 гг., содержание которых Л. Войтович не рассматривает.

Тенденция к восприятию Волынского княжества Любарта как «независимого государства» еще ярче проявилась в научно-популярной литературе. Прежде всего, речь идет о книге луцкого историка-краеведа Петра Троневица, главная идея которой состоит в следующем: Любарта был литовцем лишь по происхождению, а фактически до самой смерти – законным правителем независимой Волынской земли, являвшейся «хранителем государственных традиций Руси-Украины и первичным сосредоточением зарождения украинского этноса в послемонгольское время»⁴⁰. Наиболее же реальной заслугой П. Троневица является обоснование тезиса, что именно Любарта перенес фактическую столицу Волыни из Владимира в Луцк, построив там мощный каменный замок.

Иной подход к характеру власти Любарта на Волыни принимает Владимир Собчук. Основываясь, в первую очередь, на договорах

38 Напр., Л. Войтович утверждает, что после подчинения Белза в 1377 г. король Людовик «отдал часть Белзкого княжества ратненскому князю Федору Ольгердовичу, который принес ему вассальную присягу. Городло с поветом получил другой королевский вассал – князь Александр Корятович». При этом даются ссылки на статью О. Халецкого и *Хронику Яна из Чарнкова* (Л. Войтович, *Галич у політичному житті Європи XI–XIV століть* (Львів: ЛіанаМ, 2015), 241). Однако там на указанных страницах ни «часть Белзкого княжества», ни «Городло с поветом» не упомянуты. Приходится признать, что это – домысел самого Л. Войтовича.

39 Войтович, *Галич*, 395.

40 П. Троневиц, *Великий князь Дмитрій-Любарта і його сучасники: історико-краєзнавчий нарис* (Луцьк: Твердиня, 2011). Идея независимого «Волынского государства» получила развитие в сборнике статей, название которого для историка-медиевиста звучит совершенно фантастически: *Українська Волинська держава XIV–XV століть*, спецвыпуск научно-популярного журнала *Пам'ятки України: національна спадщина*, no 5/6 (2017).

1352 и 1366 гг., историк приходит к выводу, что «правление Любарта на Волыни можно рассматривать как проявление родового совладения Гедиминовичей». Причем этот тезис, похоже, распространяется на весь период княжения Любарта, начиная еще с 1340 г.⁴¹

Автор этих строк убежден, что волынское правление Любарта делится на два периода, в течение которых статус литовского князя был принципиально различным. В 1340–1349 гг. он был единовластным, самостоятельным правителем всего ГВК; с 1350 г. – лишь удельным князем «малой» Волыни в составе ВКЛ. Специальная работа посвящена вопросу о династических правах Любарта, позволивших ему занять владимирский престол. Несмотря на то, что об этом сохранилось единственное, очень краткое свидетельство конца XIV в., в историографии по данному поводу возникло семь версий! Подробно проанализировав каждую из них, мы пришли к выводу, который еще в 1880-х гг. сделал чешский историк Ян Ржежабек: первой женой Любарта могла быть лишь дочь Андрея Юрьевича, князя Владимирского. Но после того, как Любарт в 1349 г. заключил второй брак с княжной Ростовской, он потерял право на «наследство» первой жены, чем, вероятно, и воспользовался Казимир III⁴².

В другой работе дан подробный обзор событий 1340–1351 гг. – от вокняжения Любарта до первого мирного договора, зафиксировавшего раздел ГВК между ВКЛ и Польским королевством. Этот договор мы относим к 1351 г. (а не 1352-му, как Михаил Грушевский и последующие историки). В нем Любарт фигурирует отнюдь не как «глава государства», а лишь как один из удельных князей, признающих власть великого князя Ольгерда. Уже тогда литовская часть «Королевства Руси», единовластным правителем которого недавно был Любарт, являлась расчлененной на несколько уделов, принадлежавших его братьям и племянникам; получил свою долю и глава ВКЛ – Ольгерд, которому достался г. Кобрин в Берестейской земле. Безусловно, из всех осколков бывшего ГВК владение Любарта, Владимирско-Луцкое княжество, сохранило наибольшую автономию. Однако оно все же являлось частью ВКЛ, без помощи которого попросту не смогло бы существовать, а никак не «независимым Волынским государ-

41 В. Собчук, *Від коріння до крони: Дослідження з історії князівських і шляхетських родів Волині XV – першої половини XVII ст.* (Кременець: Кременецько-Почаївський ДІАЗ, 2014), 30.

42 С. Келембет, «Любарт-Дмитро Гедиминович: перший шлюб і династичні права на Галицько-Волинське князівство», *Ruthenica*, т. XV (2019): 141–167.

ством». Важным пунктом договора 1351 г., который до сих пор не получил надлежащей оценки, являются отношения с татарской Ордой. Из документа выясняется, что южнорусские земли, подвластные литовским князьям, оставались и в зависимости от Орды, т. е. даже на Волыни действовал литовско-татарский *condominium* – двойное подданство (как и в польской Галиции 1350-х гг.)⁴³.

Наследником Дмитрия-Любарта, умершего в 1383/84 г., стал его сын Федор-Федот. Но в 1386 г. он был вынужден отказаться от стольного Луцка, а в 1393 г. – и от Владимира. Таким образом, почти вся Волынь сосредоточилась в руках великого князя Витовта. Вне его власти осталось лишь Ратенское княжество, принадлежавшее брату короля Ягайла – Федору Ольгердовичу. Полагаем, оно возникло в 1377 г., когда Федор, в то время, очевидно, князь Кобринский, принес присягу королю Людовику, получив от него значительные владения «в Польше». Судя по всему, речь шла о Ратне, Любомле и других волостях на северо-западе Владимирской земли, отошедших от Любарта к Казимиру III по договору 1366 г. Федор Ольгердович до конца жизни оставался прямым вассалом Польского королевства, поэтому на рубеже XIV–XV вв. Ратно и Любомль, возможно, еще при жизни князя (получившего взамен Жидачевскую землю), вошли в состав коронных владений. Биографии Федора Ольгердовича и Федора Любартовича, последних удельных князьях на Волыни (не считая Свидригайла Ольгердовича в середине XV в.), подробно рассмотрены в наших специальных работах⁴⁴.

Общие сведения о всех князьях и княжеских родах, имевших владения на Волыни в середине XIV – середине XVII вв., систематизировал Владимир Собчук⁴⁵. Помимо вышеупомянутых Гедиминовичей, наибольшее влияние в регионе в рамках рассматриваемого периода имели два княжеских рода русского происхождения – Острожские и Несвижские (позже известные как Збаражские). История обеих этих родов изучена в специальных монографиях, опубликованных в течение последнего десятилетия. Князьям Острожским посвящена боль-

43 С. КЕЛЕМБЕТ, «Фінал «Королівства Русі»: боротьба за галицько-волинські землі в 1340–1351 рр.», *Ruthenica*, т. XVI (2021): 75–111.

44 С. КЕЛЕМБЕТ, «Федір Ольгердович, князь Кобринський, Ратенський та Жидачевський», *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*, т. IV (2017): 146–170; С. КЕЛЕМБЕТ, «Федір-Федот (Федюшко) Любартович, князь Луцький і Володимирський, державця Сіверський», *Сіверянський літопис*, по 6 (2018): 13–36.

45 Собчук, *Від коріння*, 15–78 (глава «Аристократія Волині з князівськими титулами»).

шая книга Василия Ульяновского. Расцвет их могущества пришелся на XVI в., однако в первых главах упомянутой работы рассматривается и ранняя история рода в середине XIV – XV вв. В. Ульяновский приводит обзор различных версий происхождения Острожских, однако ни к одной из них так и не присоединяется, будучи уверен лишь в том, что эти князья были потомками династии Рюриковичей⁴⁶. История князей Несвижских-Збаражских подробно рассмотрена в книге, опубликованной автором этих строк. Собственно говоря, Несвижские до середины XV в. являлись родом не «чисто» волынским, а волынско-подольским: им принадлежали владения как на юге Волыни (Збараж), так и в Восточном Подолье (Винница, Хмельник). По нашему мнению, Несвижские были потомками древнерусских князей Болоховских, а те – скорее всего, ветвью черниговских Ольговичей, обосновавшейся в «Болоховской земле» в начале XIII в.⁴⁷

Киевская земля

Точное время и обстоятельства, при которых Киев был включен в состав ВКЛ, достоверные источники не сообщают. Лишь в «легендарной части» *Второго летописного свода ВКЛ*, составленного в 1510-х гг., помещен рассказ о походах Гедимина на Волынскую и Киевскую землю, якобы закончившихся их подчинением Литве. «Волынская» часть этого рассказа, прямо противоречащая достоверным фактам, критики не выдерживает, явно представляя собой художественный вымысел. Логично, что таким же вымыслом следует признать и «киевскую» часть; к такому выводу в свое время пришли Владимир Антонович, Михаил Грушевский и Павел Клепатский. Однако позже получила перевес точка зрения, якобы «киевская» часть, для которой прямых опровергающих фактов источники не сохранили, отражает реальные события начала 1320-х гг.

В украинской историографии 1980-х гг. «киевский поход» Гедимина принимался за реальный факт, который, впрочем, привел лишь к временному, «неполному» завоеванию Киева ВКЛ (Феликс Шабульдо, Вадим Ставиский). В 1990-х гг. против такой точки зре-

46 В. Ульяновський, *Князь Василь-Костянтин Острозький: історичний портрет у галереї предків та нащадків* (Київ: Простір, 2012).

47 С. КЕЛЕМБЕТ, *Князі Несвізькі та Збаразькі: XIII – початок XVI століть* (Кременчук: «БІТАРТ», 2021).

ния выступила Елена Русина, вернувшись к старому выводу о вымышленности всей «Гедиминовой легенды». Исследовательница раскрыла конкретные приемы (широкое использование *ГВл*) и цель фабрикации «легенды»; эти выводы согласуются с результатами изучения начальной части *Второго свода ВКЛ*, показавшего ее «политически-казачное», вымышленное происхождение⁴⁸. Тем не менее, Леонтий Войтович продолжил настаивать на реальности «киевского похода» Гедимины, поскольку существование князя Станислава Киевского якобы подтверждается двумя другими источниками: сочинением Афанасия Кальнофойского 1638 г., в котором среди ктиторов Киево-Печерского монастыря упомянут князь Станислав, и *Любецким синодиком*, где записан князь Иван Станиславич; такие «тройные совпадения просто исключены»⁴⁹. Однако, как показало наше сравнение с другими помянниками, в первом случае речь идет о Станиславе, сыне Владимира Великого, а во втором – об ошибке переписчика XVIII в. («Станиславича» вместо «Святославича») ⁵⁰.

Реальное включение Киевской земли в состав ВКЛ произошло при великом князе Ольгерде, в середине XIV в. По версии Феликса Шабульдо, это было «лишь восстановление утраченных некогда политических позиций Литвы в Среднем Поднепровье и в Киеве»; опираясь, в т. ч., на «оригинальные» известия поздней *Густынской летописи* (см. выше), историк относил подчинение Киевской земли к 1361–1362 гг.⁵¹ Более реалистичной представляется позиция Елены Русиной, которая, основываясь на некоторых документах церковного происхождения, принимает присоединение Киева к ВКЛ в рамках 1356–1361 гг. Исследовательница справедливо подчеркнула, что эта акция не могла быть следствием антиордынской деятельности Литвы: «инкорпорация украинских земель в состав ВКЛ была совершена на договорных основаниях, в форме кондоминиума, который предусматривал сохранение даннической зависимости инкорпорированных Литвой территорий от Орды»⁵². Вообще же Е. Русина, безусловно, является ведущим специалистом по «раннелитовской» истории Киевской земли, крайне слабо освещенной источниками.

48 См. выше, подраздел о нарративных источниках.

49 Войтович, *Галич*, 362, 392.

50 С. Н. КЕЛЕМБЕТ, «Князья Новгород-Северские: конец XII–начало XIV в.», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, no 4 (2019): 13–15.

51 Шабульдо, *Земли Юго-Западной Руси*, 57–60.

52 Русина, *Україна*, 56, 59–60.

Между прочим, ей принадлежит интересное наблюдение, что в период 1395–1435 гг. сформировалась, по сути, первая «литовская по происхождению киевская княжеская династия» – Гольшанских, представленная Иваном Ольгимонтовичем, его сыновьями Андреем и Михаилом⁵³. Правда, юридически Гольшанские все же являлись не киевскими князьями, а лишь наместниками (воеводами), представлявшими власть великих князей Витовта и Свидригайла.

В XIV–XV вв. в состав Киевской земли входили обширные, хотя и слабо населенные территории на левобережье Днепра, некогда являвшиеся юго-восточными волостями Черниговской земли и отдельной (в домонгольский период) Переяславльской землей. Присоединение этих территорий к Киеву, очевидно, произошло еще в «непроницаемую» монгольскую эпоху, когда в Киеве и Переяславле обосновались выходцы из Путивля и Новгорода-Северского. На здешних окраинах, приграничных с Ордой, в «раннелитовский» период существовали два уникальных образования – татарские княжества, признавшие сюзеренитет ВКЛ, но запустевшие к концу XV в. Одно из них, т. н. «Еголдаева тьма», включало городки-волости Мужеч, Милолюбль и Оскол, позже относившиеся к Путивльскому повету. Историю этого образования исследовала Елена Русина⁵⁴ (ее выводы требуют некоторых уточнений, обусловленных публикацией полной редакции *Помянника князей Черниговских*). Другое «татарское» княжество, включавшее городки Глинск, Полтаву и Глинницу на реках Ворскле и Суле, принадлежало князьям Глинским – потомкам знаменитого беклярибека Мамай; около 1400 г. они получили от Витовта еще Хоробор и Мену в южной Северщине. Эта тема стала предметом нашего исследования⁵⁵.

Северская земля

Настоящим «прорывом» в изучении данного региона в составе ВКЛ стала монография Елены Русиной, вышедшая в 1998 г.⁵⁶. Стоит отме-

53 Русина, *Студії*, 84–88.

54 О. Русина, «До історії Київської землі у XIV–XV ст.: Яголдай, Яголдайовичі, Яголдайова “тьма”», в Русина, *Студії*, 100–113.

55 С. КЕЛЕМБЕТ, «Князі Глинські: походження роду, Глинське князівство, володіння в Сіверській землі», *Сіверянський літопис*, по 2 (2019): 3–18.

56 О. Русина, *Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського* (Київ: Інститут української археографії та джерелознавства, 1998).

туть хотя бы то, что именно в этой работе *впервые* в историографии определена территория Северной земли, перечислены относящиеся к ней города XIV–XV вв., а также отмечено, что сам этот термин появляется в источниках лишь в 1393 г., хотя возник, вероятно, несколько раньше. Е. Русина провела ценный анализ очень немногочисленных сведений, сохранившихся о начальном периоде литовского владычества в Северной земле. Однако исследовательница «унаследовала» от предшествующей историографии и отдельные тезисы, имеющие крайне сомнительную доказательную базу (например, подчиненность Чернигова ВКЛ уже в 1360-х гг., отождествление князя Патрикия Давидовича Стародубского с Патрикием Наримонтовичем-Глебовичем).

В течение последних лет автор этих строк опубликовал ряд статей, посвященных первым литовским князьям Северной земли. В их рамках предложены новые решения некоторых проблемных вопросов. Полагаем, источники позволяют установить вполне конкретную датировку присоединения Великого княжества Черниговского к ВКЛ – период между 1372 и 1375 гг.⁵⁷ Весьма интересным фактом в истории Северной земли первой трети XV в. является то, что именно здесь получили владения «принцы крови», исповедующие чуждый для региона католицизм – Свидригайло, брат короля Ягайло, и Сигизмунд, брат великого князя Витовта. Оба они перешли со своих северских уделов, соответственно Черниговского и Стародубского, прямо на великокняжеский престол в Вильно (1430 и 1432 гг.).⁵⁸

57 С. КЕЛЕМБЕТ, «Великий князь Роман Михайлович II – останній самостійний володар Чернігова», *Сіверянський літопис*, по 2 (2016): 3–16; Он же, «Дмитро-Корибут Ольгердович – перший литовський князь південної Сіверщини», *Сіверянський літопис*, по 5 (2016): 13–34; Он же, «Князі Стародубські та Рильські: середина XIV – початок XV століть», *Сіверянський літопис*, по 2 (2015): 12–26.

58 С. КЕЛЕМБЕТ, «Литовсько-католицькі князі в Сіверській землі: 1401–1452 рр.», *Сіверянський літопис*, по 45 (2019): 8–32.

Юго-Западная Русь в составе Польского и Венгерского королевства

Галицкая Русь (Галиция)

Эти термины, принятые в историографии, для периода XIV–XV вв. довольно условны и имеют лишь «историческое» значение, обозначая «галицкую» часть бывшего ГВК – те четыре земли, которые в 1434 г. вошли в состав Русьского воеводства. Галич к тому времени давно утратил значение столицы региона, уступив его Львову. Термин «Галиция» сохранялся в традиционном титуле венгерских королей (присвоенном ими еще в начале XIII в.), а в титуле королей польских – включался в общее понятие «Русьская земля». В период правления Казимира III Галиция принадлежала Польше (1349–1370), однако верховным сувереном «Королевства Руси» считался венгерский король Людовик, который актом 1350 г. «уступил» его Казимиру лишь в пожизненное владение. Этот акт не был пустой формальностью, поскольку в 1370 г. Людовик, сам занявший польский престол, подчинил руськие земли Венгерской, а не Польской короне. Вскоре Людовик передал «Королевство Руси» силезскому князю, находившемуся на его службе – Владиславу Опольскому (1371–1378). Однако затем король изменил решение, установив здесь прямое управление венгерской администрации. Таковое длилось до 1387 г., когда польская королева Ядвига и ее муж, недавно избранный король Владислав-Ягайло, вернули Галицию в состав Польши. Местную администрацию возглавлял «генеральный староста Руси» с резиденцией во Львове.

В современной украинской историографии, по сравнению с польской, история Галиции середины XIV – середины XV вв. изучена значительно слабее (если не брать во внимание публикации краеведческого уровня). Из обобщающих работ можно отметить монографию Игоря Бойко, в которой рассмотрены такие вопросы, как государственно-правовой статус Галиции, ее административная структура, органы власти и правовая система, местное самоуправление. Автор подчеркивает, что в период 1349–1434 гг., до повсеместного введения польского права и создания Русьского воеводства, Галиция имела статус своеобразной административно-территориальной автономии. Фактически она выражалась в том, что здесь

«продолжали функционировать административно-правовые институты уже несуществующего Галицко-Волынского государства», в частности, не вводилось и не действовало польское право (т. е. сохранялось древнерусское). В то же время, формальное выражение галицкой автономии И. Бойко, и не он один на Украине, явно преувеличивает – утверждая, будто «Казимир титуловал себя не только королем Польши, но и королем Руси», а «Галицкая Русь (Галиция) с 1349 г. по 1434 г. в официальных документах именовалась «Руськое королевство» («Королевство Руси»)⁵⁹. На самом деле Казимир III титуловался лишь «господин Руси (*Russiae dominus*)», а в официальных актах, за исключением некоторых венгерских, Русь именовалась не «королевством», а просто землей (*Terra Russiae*).

Высшие административные «уряды» в Галиции занимали иностранцы-католики, широко практиковалась раздача земельных владений польской и силезско-немецкой шляхте, последней – при правлении Владислава Опольского, которому посвящены несколько статей Марты Жук⁶⁰. Вопрос о различных формах «феодализма» в Галицкой Руси подробно рассмотрен в работе Юрия Зазуляка. Автор приходит к выводу, что четкой системы вассально-ленных, т. е. собственно феодальных отношений западноевропейского типа, в регионе так и не сложилось. Королям удавалось сохранять «непосредственный контроль над всеми группами служебного рыцарства и земельными ресурсами», что «было главным препятствием для возникновения внутри рыцарства разветвленной вертикальной иерархии зависимостей»⁶¹. Отметим также статью Ю. Зазуляка, посвященную такому важному вопросу, как полонизация галицко-русской шляхты и ее переименование в католицизм, принявшее массовый характер с середины XV в. Пожалуй, главным внешним проявлением этого процесса являлась смена «русских» имен на «католические», отразившаяся в местном актовом материале⁶².

59 І. Й. Бойко, *Органи влади і право в Галичині у складі Польського Королівства (1349–1569 рр.)* (Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2009), 108–114.

60 См. напр.: М. Жук, «Особливості землеволодіння у Галичині в останній третині XIV ст. на підставі привілеїв князя Володислава Опольського», *Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Історія»*, вип. 24 (2010): 7–16.

61 Ю. Зазуляк, «Навколо полеміки про феодалізм на Галичині XIV–XV ст.», *Ruthenica*, т. V (2006): 170–193.

62 Ю. Зазуляк, «Rebaptizatio ruthenorum: подвійні імена та конфесійно-культурна ідентичність шляхти руського походження в Галичині XV ст.», *Ruthenica*, т. VI (2007): 275–298.

В последние годы на Украине повысился интерес к «региональной» истории Галицкой Руси. Здесь сформировалось четыре административных округа с постоянным статусом «земли» (*terra*) – Львовская, Перемышльская, Галицкая и Саноцкая. Перемышльской земле, в контексте истории местной шляхты, посвящена монография Игоря Смутка (интересующему нас периоду – глава II)⁶³. Формирование и административная структура Галицкой земли рассмотрены в статье Александра Аврамчука⁶⁴. Особый статус с конца XIV в. по 1442 г. имела Жидачевская земля или повет (*districtus*): она передавалась во владение князьям, ближайшим родственникам короля Владислава-Ягайла – его братьям Федору и Свидригайлу Ольгердовичам, двоюродному брату Федору Любартовичу и племяннику (по сестре) Земовиту V Мазовецкому. Однако это владение являлось не полноценным «удельным» княжеством, а лишь пожизненным держанием с ограниченными правами. Двое из перечисленных князей, помимо Жидачева, владели также соседним Стрыйским поветом, а Свидригайло како-ето время в начале XV в. – даже Галицкой землей⁶⁵.

В церковном отношении особенностью Галицко-Волинской Руси было то, что здесь в XIV в. функционировала самостоятельная Галицкая митрополия, отдельная от Киево-Московской. Первый период ее существования приходился еще на времена ГVK (1303–1347 гг., со значительными перерывами). Затем Галицкая митрополия, в урезанном виде, была восстановлена по просьбе-требованию короля Казимира III, удовлетворенной в 1371 г.; однако уже около 1400 г. эта церковная организация фактически упразднилась. Истории Галицкой митрополии посвятил специальную работу Игорь Скочиляс⁶⁶.

63 І. Смуток, *Руська шляхта Перемишльської землі XIV–XVIII ст. Історико-генеалогічне дослідження* (Львів: ПростірМ, 2017).

64 О. Аврамчук, «Формування території Галицької землі протягом другої половини XIV – останньої третини XV ст.», *Магістеріум. Історичні студії*, вип. 54 (2015): 3–9.

65 КЕЛЕМБЕТ, «Федір Ольгердович», 155–160; Келембет, «Федір-Федот (Федюшко) Любартович», 22–24; Он же, «Князь Федір (Федюшко) Любартович: володіння в коронній Русі та їх державно-правовий статус», *Український історичний журнал*, по 4 (2020): 4–20. DOI: 10.15407/uhj2020.04.004

66 І. Скочиляс, «Галицька митрополія XIV – першої половини XV століть: особливості еkleзіального, правового та суспільного статусу», *Княжа доба: історія і культура*, вип. 4 (2011): 246–279.

Подольская земля

Этот регион имеет к «древнерусскому наследию» весьма отдаленное отношение. Как отдельная административная единица, Подолье сформировалось в «темный век» монгольского периода. В систему древнерусских земель-княжеств оно не входило, пребывая под прямой властью татарских аристократов. Последние в середине XIV в. были вытеснены литовскими князьями Кориатовичами, младшими внуками Гедимины, которые создали на Подолье самобытное княжество, просуществовавшее, однако, лишь до 1394 г.

Время прибытия Кориатовичей на Подолье и их первоначальный статус, за отсутствием достоверных источников, являются дискуссионными. В старой украинской историографии преобладала точка зрения, основанная на свидетельстве *Повести о Подолье* (памятника 1430-х гг.), согласно которой Кориатовичи пришли сюда вскоре после Синеводской битвы 1363 г., являясь представителями ВКЛ. Однако, в начале XX в. польский историк Владислав Абрахам предложил принципиально другую версию: сыновья Кориата заняли татарское Подолье еще в 1340-х гг., якобы использовав условия, созданные «лишь благодаря Польше». Со временем эта гипотеза, с некоторыми видоизменениями, получила признание не только в польской историографии, но и в украинской (Феликс Шабульдо, Леонтий Войтович, Виталий Михайловский). Тем не менее, при внимательном рассмотрении всех аргументов, приводимых сторонниками «ранней» хронологии появления Кориатовичей на Подолье, выясняется, что реальной доказательной силы эти аргументы не имеют. Тогда как информация *Повести о Подолье*, по крайней мере, в плане хронологии особых вопросов не вызывает, вполне соответствуя политической ситуации в Орде периода «великой замятни» 1360-х гг.⁶⁷.

В современной Украине ведущим специалистом по истории Подолья, безусловно, является Виталий Михайловский – автор ряда статей и обобщающей монографии⁶⁸. Исследователь весьма обстоятельно, с широким привлечением документального материала, рассмотрел основные этапы истории региона, начиная с Подоль-

67 См. об этом: КЕЛЕМБЕТ, «Фінал «Королівства Русі»», 107–110.

68 В. Михайловський, *Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст.* (Київ: Темпора, 2012).

ского княжества Кориатовичей. Следует согласиться с автором, что эти князья, хоть и принадлежали к литовской династии, вынуждены были «балансировать» между ВКЛ, Польшей и Венгрией, последовательно признавая себя вассалами трех этих государств. Особый интерес вызывает то, что Кориатовичи, похоже, оставались вассалами Венгерской короны вплоть до потери Подольского княжества в 1394 г. Изгнанный оттуда Витовтом, Федор Кориатович бежал именно в Венгрию, где получил владения в нынешнем Закарпатье. Этому князю, особенно «закарпатскому» периоду его биографии, посвятил интересную статью Иосиф Кобаль⁶⁹, а затем Сергей Федака – даже специальную книгу⁷⁰. Впрочем, Закарпатье никакого отношения к «древнерусскому наследию» не имело, поскольку несколько веков являлось органичной частью Венгерского королевства.

69 Й. Кобаль, «Федір Корятович у світлі нових джерел», *Карпатика*, вип. 32 (2005): 75–115.

70 С. ФЕДАКА, «Ми, Федір Корятович, з ласки Божої, князь із Мункача...». *Історичний нарис* (Ужгород: Карпати, 2017).

